

Неважно, где – но не в нашем мире.

Пролог: НОЧНАЯ ПОГОНЯ

Снаружи дом казался совсем небольшим, хотя внутри был огромен. Он напоминал старый сарай без окон с единственной узкой дверью и стоял на краю чудесного города, возле обрывистого океанского берега. В доме этом жил старый маг. И этой ночью маг понял, что его собираются убить.

У старика была седая всклокоченная борода и крупные оранжевые веснушки. Сидя за столом, он писал при свете свечи, закрепленной на глиняном черепке. Рядом с большой чернильницей лежали на столе несколько колдовских предметов, перья и четки. Стол, пара стульев да громоздкий комод – больше никакой мебели здесь не было. На балках висели пучки старых высушенных заклинаний, под высокой крышей порхали в густых тенях какие-то крошечные существа, где-то тихо журчала вода.

Обычное жилище мага. Внутри оно больше, чем снаружи, потому что за многие годы магия переполнила его. Кухня какой-нибудь гостиницы тоже ведь несет в себе следы той деятельности,

которая постоянно протекает там. Дерево пропитывается запахами жареного мяса, лука, чеснока и специй, на столах остаются зарубки от ножей, жир и копоть въедаются в стены... А здесь не варили супы и не пекли пироги – в этом доме готовили новые заклинания. Наводнившая здание магия вывернула его наизнанку, завязала морским узлом и запутала так, что теперь и сам хозяин не знал всех таинственных закутков и темных залов, которые со временем будто сами собой образовались в его доме.

Снаружи донесся приглушенный звук удара, и все вокруг едва заметно дрогнуло.

Старик поднял голову, вслушиваясь, затем склонился над столом и стал писать быстрее, торопясь закончить страницу. В глубине дома раздался звук тяжелых шагов – пока еще далекие, они быстро приближались. Маг не поднял головы, когда дверь позади раскрылась, и в помещение вступила дородная фигура.

– Да, – произнес старик, одной рукой продолжая писать, а другую засовывая под стол.

– Хозяин, там...

– Я слышал, слышал. Еще немного...

Не глядя, он вытащил из-под стола котомку.

– Надо уходить, хозяин.

– Конечно. Но имей в виду, я не знаю, где мы можем скрыться.

Размашистым движением старик сгреб в котомку все, что лежало на столе, и повернулся. Толстяк – слуга и охранник мага – стоял, подняв лампу над головой. Тусклый свет озарял лицо. Похожее на человеческое... но все же не человеческое.

– Что с тобой? – спросил маг, увидев, как толстяк покачнулся. – Ты ранен?

– Дрался с ними, – пробурчал тот. – Их много, сильные... – говорил он тоже несколько необычно, не так, как говорят люди. – Налетели сверху. Запер дверь, но...

Вновь прозвучал удар, пол дрогнул.

– Сверху? – повторил старик, перекидывая котомку через плечо. – Что это значит?

– Крылья, – пояснил слуга. – Летают.

– Так-так-так...

Маг постоял, раздумывая, затем громко повторил: – Так!

Они посмотрели друг на друга и оглянулись на дверь, когда в помещение проник далекий скрип сминающегося под ударами дерева.

– Есть другой выход, – произнес наконец старик. – погоди, я только захвачу еще пару вещей. Вот это... и это. Ладно, теперь идем. Хотя я не вижу смысла убегать – нам негде прятаться.

Последние слова он произнес уже на ходу. Толстяк грузно топал за хозяином, так и держа лампу над головой.

Под крышей медленно двигались тени, что-то невидимое перепархивало с балки на балку, испуганно пища. Впереди журчала вода. Они миновали несколько темных коридоров – световой круг от лампы скользил по полу, выхватывая из темноты доски, проросшую сквозь щели траву и цветы. Стебли выпрямлялись, крупные бутоны поворачивались вслед двум фигурам, затем сгибались друг к дружке, будто перешептывались, обсуждая бегство хозяина дома.

Коридор стал шире. Пол сменился песком, стены – пологими барханами. Теперь вокруг тянулась пустыня.

– Ну и ну... – протянул маг. – Каждый день тут появляется что-то новое!

Они пошли медленнее. Песок мерцал, при каждом шаге над ним взлетали светящиеся пылинки. Из-за бархана донесся шелест, словно там что-то ползло, и слуга окликнул хозяина: – Можем заблудиться!

Не оборачиваясь, маг покачал головой. Журчание стало громче, барханы исчезли: беглецы очутились в новом зале. Стены и потолок отступили, пропали, словно их и не было. Здесь все пропитала влага, наполненная пылинками – будто светящейся мукой, которую кто-то высыпал в воду, и теперь она клубилась, расплываясь облаком.

– Быстрее! – велел старик.

Они двинулись через зал, сквозь теплую водяную завесу. Толстяк захлюпал носом, отфыркиваясь, огонь лампы замерцал, угасая.

Впрочем, пылинки и так озаряли окружающее пространство. На ходу беглецы гребли перед собой руками, словно шли по дну реки. Клубы света медленно перемещались, извивались потоками, завихрения его образовывали омуты.

Сквозь них проплыло вытянутое тело с плавниками и хвостом.

– А это тут откуда взялось? – Когда маг

открыл рот, световая пыль попала внутрь, и он закашлялся.

Большая рыба взглянула на них выпуклыми умными глазами, сквозь белесую муть поднялась кверху и исчезла в световоротах, что кружились под потолком, ставшим теперь поверхностью колдовского водоема. Толстяк выпустил бесполезную лампу, и та, покачиваясь, медленно поплыла наискось вниз.

Мимо прошмыгнула стайка юрких золотых рыбок. Висящий над полом морской конек с круглой шапочкой на голове проводил их надменным взглядом, потом толстяк чуть не наступил на краба, волочащего на спине домик с покатою крышей и увитой плющом верандой. Быстрое течение взвихрило пылинки, беглецов потянуло вперед, к круглому отверстию, сквозь которое поток света устремлялся наружу. Их тела наклонились, старик упал – но не ударился о пол, а поплыл над ним, нелепо размахивая руками. Водяной свет замерцал. Слуга ухватил хозяина за лодыжки, пытаясь удержать, его тоже опрокинуло, после чего поток вынес обоих наружу.

С небольшой высоты они свалились в лужу и сразу же вскочили. Из широкой трубы, выходящей через заднюю стену дома, лился бурлящий светопад.

– Теперь бегом! – приказал старик.

Они побежали по узкой кромке заросшей бурьяном земли между стеной и обрывом. С потяжелевшей от влаги одежды обоих стекал свет, при каждом шаге от хлюпающих ботинок разлетались мерцающие брызги. Внизу тихо плескалась необъятная темнота океана, вверху светилась мягким зеленым светом овальная, сплюснутая снизу и сверху луна.

Они выскочили на улицу – и в тот же миг на фоне луны пронеслась крылатая тень.

– Куда? – выдохнул толстяк.

– Прочь из города. И тихо.

Их заметили. Беглецы только успели добраться до поворота улицы, когда позади раздался призывный шипящий звук, а в ответ второй, почти такой же – будто две змеи переговаривались на своем языке.

Маг свернул, начал перебираться через невысокую ограду, но зацепился. Слуга схватил его за воротник, приподнял и перешагнул через препятствие. Луна вновь мигнула, когда ее пересекла крылатая тень. Преодолев внутренний двор, беглецы перелезли через вторую ограду и очутились на круглой площади с высоким

зданием в центре. Колонны, поддерживающие навес над входом, широкие ступени, стены, крыша – все из черного мрамора. Бледно-зеленый свет луны озарял висящий над входом щит с гербом в виде драконьей головы. Узкие глаза пристально и холодно всматривались в каждого, кто бросал взгляд на герб. Приоткрытая хищная пасть показывала острые клыки. Над гербом полукругом шла надпись:

ДРАКОНИЙ БАНК

– Спрячемся там? – спросил толстяк.

– Что ты! – Маг уже бежал в обход площади. – Не в городе. Здесь мы вообще не сможем укрыться. Он найдет нас где угодно.

– На берегу? Тогда зачем бежим в другую сторону?

Как только они миновали площадь, над ней возникли крылатые тени, и сзади донесся шипящий звук.

– Потому что на берегу тоже нельзя.

– В океане?

– Какой океан, что ты говоришь!

– На горе? – Слуга показал туда, где в темном небе виднелись контуры далекой вершины.

– Ты что, ничего не понял? В этом мире нам от него не скрыться. Вообще нигде!

– Но где же? – спросил тяжело дышащий толстяк.

– Пока не знаю!

Город закончился – потянулись палисадники, огороды, низкие домишки с соломенными крышами, амбары.

Петляя, маг и его слуга бежали дальше. Шипящего звука теперь не было слышно, но старик знал, что преследователи где-то рядом.

А затем началась пустыня. Не такая, как в доме мага, настоящая. Стало прохладно, песок уже отдал ночи накопленное за день тепло. Ветер шелестел в тенях, залегших между барханами.

Увязая по щиколотки, беглецы преодолели несколько пологих вершин. Толстяк дышал все тяжелее, а маг уже совсем выбился из сил. Чем глубже они входили в пустыню, тем становилось жарче. Далеко вверху из склона горы поднялся

столб пламени, завернулся смерчем и исчез.

– Гулгор кашляет. – На вершине бархана маг повалился навзничь. – Не спится старику.

– А он не поможет нам?

– К нему не успеем. Все, не могу больше.

– Скоро догонят! – Слуга сел рядом, щурясь, вглядываясь в темноту. Пока что он не мог различить крылатых преследователей, но, скорее всего, они уже достигли палисадников.

– А если... – Толстяк полуобернулся и махнул рукой в сторону горы... – Если попросить помощи у Гулгора?

– Думаешь? – Маг с сомнением покачал головой. – Но где он спрячет нас? Да и не успеваем мы туда.

– Все равно побежали! – Слуга привстал.

– Нет, погоди. Нам не дадут добраться до горы. Но вообще-то... вообще-то, есть другой способ.

– Какой?

– Мне трудно объяснить тебе. Но, возможно...
– Старик задумчиво ковырнул песок ногой и

встал. – Да, сейчас это единственное, что может спасти нас.

Крылатые убийцы летели зигзагами низко над землей. Маленькие глаза, не моргая, смотрели вниз; они различали каждый дом, каждый огород, каждую грядку на огороде, каждый побег на грядке, каждого жучка на побеге.

Они смотрели очень внимательно, потому что тот, кто отправил их в погоню, был безумцем, способным, в случае неудачи, сотворить что угодно даже с ними, своими верными слугами.

Убийцы пересекли границу пустыни и опустились еще ниже, описывая круги над барханами. Беглецов не было. Преследователи не могли различить их среди песка.

Тогда они поднялись выше и разлетелись, чтобы охватить все пространство до одинокой горы.

Даже с такой высоты убийцы различали каждую песчинку в пустыне.

Во все стороны тянулись барханы – и не единой фигуры среди них.

Они достигли склона одинокой горы и стали возвращаться. Сильные крылья рассекали воздух.

Узкие ноздри раздувались. Длинные тени то и дело проносились на фоне бледно-зеленой луны.

Беглецов не было, но убийцы не прекращали поиски.

Их крылья не знали усталости.

Их глаза смотрели не моргая.

В их маленьких мозгах зарождалась паника.

Они смотрели так пристально, как не смотрели никогда в жизни.

И не видели.

Не видели.

Не видели.

Глава первая.

В ПОИСКАХ НЕГОДЯ

Наступила ночь. Погода стояла ужасная – плохой хозяин собаку на улицу не выгонит. Хотя ее никто и не гнал, она сама убежала.

Препротивнейший криволапый песик по имени Нобби, обжора и лентяй с самодовольной мордой, жил в большом доме, принадлежащем господину Шлапу, самому богатому человеку города. Супруга его, госпожа Шлап, любила животных куда больше людей: в доме обитали еще три кота, пять кошек, морские свинки, бульдог и чета хомячков с двадцатью тремя своими отпрысками.

За всей живностью следил парнишка по имени Эб Эбвин. Сейчас он, запахнувшись в пальто и нахлобучив шапку на лоб, брел сквозь пургу, иногда громко выкрикивая:

– Нобби! Нобби, ты где, дурачок?

Дурачок не отзывался. Вообще-то Эб предпочел бы назвать пса «негодяем», что он однажды случайно и сделал в присутствии хозяйки. И получил от нее страшный нагоняй. Подобные слова недопустимы в приличном обществе! – заявила госпожа Шлап. И даже если

песик *слегка балуется*, то самые ругательные слова, которые к нему можно применять, – это «дурачок» или «шалун».

Ветер дул порывами, свистел, бросал в лицо Эба колкую снежную крупу. Темнота кругом, на много миль окрест – ни огонька. Лишь в стоящем на вершине холма большом доме Шлапов светилось окно спальни, где хозяйка металась из угла в угол, заламывая руки в ожидании, когда же найдут ее дорогого Ноббика.

Самое неприятное время года – еще не так холодно, чтобы снег одеялом укрыл землю, но уже и не так тепло, чтобы он совсем растаял. Темно-коричневые проплешины сменялись покрытыми тонкой корочкой лужами, куда Эб то и дело проваливался. Старые сапоги его промокли, холод пробирался под пальто.

– Нобби! – опять закричал Эб, почти с ненавистью глядя на дом Шлапов. Холодными вечерами дурачок Нобби любил устроиться на атласных подушках софы, что стояла возле большого камина в зале второго этажа, и дремать там, иногда брюзгливо порывивая на тех, кто пытался приблизиться к нему. На всех, за исключением своей повелительницы, госпожи Шлап, у которой он был любимцем. Госпожа, перед тем как лечь, всегда приходила к Нобби, желала ему спокойной ночи и нежно чмокала в

слюнявую мордочку. Этим вечером, не обнаружив пса на привычном месте, она подняла большой тарарам. Разбудили слуг, обыскали весь дом – Нобби исчез. Он не в первый раз убегал, и, как обычно, во всем обвинили Эбвина. Вот так и получилось, что теперь он брел сквозь пургу по склону холма на окраине города, вместо того чтобы лежать в своей постели.

Сквозь вой ветра донеслось поскрипывание. Эб остановился, прищурился и увидел что-то громоздкое, медленно движущееся навстречу. Заржала лошадь.

– Сигизмунд! – окликнул Эб. – Это вы?

– А то кто же? – прозвучало в темноте, и Эбвин наконец разглядел очертания телеги.

– Тпру! – Кузнец Сигизмунд остановил лошадь и слез, щурясь. – Эбби, что ли? Ты чего тут бродишь?

– Пса ищу, – пробормотал Эб, недовольно морщась, – очень уж он не любил уменьшительного варианта своего имени, «Эбби».

– Собачку вашу? – переспросил кузнец, когда Эб подошел ближе и присел на край телеги. – В такую темень? А зачем ее искать... а, понял! –

сам себе ответил он. – Эту, как ее... Ноппи? Поппи?

– Нобби, – поправил Эбвин.

– Во-во, Нобби. Твоя хозяйка совсем помешалась. Я ее видел только что.

Эб вскочил с повозки.

– Как видели? Где?! – Перед его глазами встала страшная картина: неугомонная госпожа Шлап в развевающемся халате, с чепцом на голове и в домашних шлепанцах, рассекает студеную ночь, выискивая исчезнувшего в пурге ненаглядного Ноббика. – Она что, тоже поперлась негодя... дурачка искать?

Они с кузнецом уставились друг на друга и некоторое время молчали.

– Какого негодя-дурачка? – спросил наконец Сигизмунд.

Эбвин пояснил:

– Это мы так Нобби называем. Дурачком.

– Дурачок, а? – Сигизмунд осклабился и несильно, по-дружески, ткнул Эба кулаком в бок.
– Понял. Да нет, не хозяйку я видел, а собаку

вашу. Пса то есть. Этого Нобби-Шнобби.

– Ну? – обрадовался Эб. – Куда он пошел, говорите скорее!

Лицо Сигизмунда погрузнело, и Эбвин спросил:

– Что, в Кривой лес побежал?

В этом лесу мало кто гулял или собирал грибы-ягоды. Иногда из-под земли там доносился приглушенный гул, а сама земля принималась мелко дрожать. Впрочем, по какой-то непонятной причине происходило это только летом, весной или осенью, но никак не зимой. И хотя сейчас стояла зима, Эбу все равно вовсе не улыбалось идти в Кривой лес.

Впрочем, тут же выяснилось, что идти туда и не надо. Сигизмунд, махнув рукой, произнес:

– Да вот... Вот, понимаешь ли, куда он пошел...

Эб повернулся в сторону, указанную кузнецом. Небо было – чернее некуда, но между пологими склонами двух холмов протянулась широкая тень, еще более темная, чем весь остальной пейзаж.

– Туда? – ахнул Эбвин. – Ну, все! Так я и знал. А вы не путаете, Сигизмунд?

Они посмотрели на распадок между холмами и переглянулись. Кузнец ответил:

– Нет, Эбби, не путаю я. Точно, видел твоего пса. Туда он и побежал, к замку Кастеляна.

Лошадь всхрапнула и махнула хвостом, как бы призывая хозяина побыстрее закругляться с разговорами и давая понять, что в конюшне ей будет куда уютнее, чем на овеваемом всеми ветрами склоне холма.

– Про замок-то всякое говорят, – произнес Сигизмунд раздумчиво. – Говорят, кто туда ночью забредет – назад уже не вернется.

– Пустые рассказы... – возразил Эб. – Кто говорит? Тот, кто возвращался?

– Ха! – невесело откликнулся кузнец. – Это ты, Эбби, конечно, ловко мне ответил. Однако же почему «пустые рассказы»? Замок-то уже множество лет брошенным стоит. И башня там эта... Безвыходная. А про Кастеляна я всякое слышал – будто бы был он страшным магом, но поспорил с еще более страшным Бардо Тодолом, и в таинственном месте под названием Цукат произошла у них битва...

– И, скрываясь от мести Тодола, Каствелян приехал к нам, обосновался в замке... – нараспев подхватил Эб.

– Да-да, а Тодолу в конце концов удалось разыскать врага и наслать на него могущественное заклинание...

Потерев ладонью замерзший нос, Эбвин возразил:

– Вы меня не пугайте, я и так уже... то есть, я раньше все это и так уже слышал. Но не верю. Просто старый замок, развалины. И про Цукат – это только сказочки. А в Безвыходную башню все равно никак не попасть. Никто там не живет, даже бродяги. Нобби скорее всего за какой-нибудь крысой побежал. Он любит крыс гонять. Сейчас я туда пойду, быстро Нобби отыщу, надаю дурачку, негодяю такому, по ушам и вернусь. Так?

– Так, – согласился Сигизмунд, перегибаясь через борт телеги и выискивая что-то среди соломы, устилавшей дно. – Это ты правильно сам себя подбадриваешь. И вправду, ничего там, в замке, нету. И Мармышка-дурачок стал дурачком не после того, как однажды сбился с дороги и к Безвыходной башне ночью случайно забрел... нет-нет, не после этого. Однако же, Эбби, я вот что тебе скажу: плюнь, иди домой. Завтра поутру

пса своего отыщешь.

Очень бы хотелось Эбвину последовать совету Сигизмунда, но в том-то и дело, что пес был не его, а хозяйский. Эб представил себе те слова, с которыми к нему обратится возмущенная госпожа Шлап, когда он придет обратно один, представил ее *доброе* и очень *красное* лицо, наконец, представил *внимательный* взгляд господина Шлапа... и понял, что без Нобби возвращаться не стоит.

Тем временем кузнец, приглядевшись к Эбвину и уяснив, что тот ну никак не может вернуться с пустыми руками, протянул выуженный со дна телеги факел.

– Раз решил, так иди быстрее, пока пес совсем куда-нибудь не запропал. Что-то зимы с каждым годом у нас все студенее. Это не стариковские ворчания, не думай. Мир портится, Эбби, все стало таким холодным, тусклым. А люди? Ты уже слышал, что Вард-молочник пропал?

– Как пропал? Куда пропал? – удивился Эб.

– А вот так. Взял и исчез. Знали бы, куда – нашли бы. Помнишь, как твоя бабуля Снок? Просто не стало, и все тут.

– Да когда же он успел, я же только сегодня в

обед его видел!

– Недавно совсем, вечером. Я от него еду. Ладно, вот, возьми факел. Совсем темно уже. Кресало есть у тебя?

– Есть, – сказал Эб, принимая факел, длинную палку, один конец которой обматывали пропитанные горячей смолой тряпки. – Но только вы это, Сигизмунд... пожелайте мне удачи, что ли? Чтоб я, не ровен час, и сам не пропал, как Вард.

Глава вторая. БЕЗВЫХОДНАЯ БАШНЯ

Холодало. Ветер уже не свистел, а тонко подвывал, будто голодный цепной пес, трепал полы пальто, набрасывался на Эба и кусал его за нос острыми ледяными зубами. Светящееся окно дома Шлапов давно исчезло из виду, как и сам дом, вокруг были только холмы да поля. Городок остался позади, из тьмы выступил замок Кастеляна.

Хлюпая сапогами в мокрой каше из грязи и снега, Эбвин бежал что было сил – минуту назад он заметил Нобби.

– Сюда! Иди сюда! – вопил Эб, размахивая еще не зажженным факелом. – Нобби, дурак, брось ты эту крысу!

Но маленький силуэт, едва-едва различимый сквозь пургу, уже исчез в проломе окружающей замок стены, лишь раздалось почти заглушенное воем ветра тьяканье.

– Ведь это ты нарочно... – бормотал Эбвин, перебираясь через камни. – Или я тебя не знаю? Нарочно, чтоб поиздеваться надо мной!

Он остановился, глядя по сторонам. Стены

треугольником охватывали двор замка. Рядом с центральным строением высилась Безвыходная башня. Ее скорее следовало бы назвать Безвходной – потому что в ее толстых стенах не было видно ни одного окна или двери, ни единого отверстия. Она и вправду была очень высока, даже выше шпиля, торчащего на крыше городской ратуши.

Ветер стих. Впереди опять раздалось тьяканье.

– Нобби! – завопил Эб, переходя на бег. Сапоги увязали в грязи, Эбвин то и дело спотыкался о камни и куски старой кладки. – Нобби, негодя... шалун, иди сюда!

Как всегда, шалун не слушал Эба и вообще не обращал на него никакого внимания, а делал что хотел. И этой ночью ему пришла охота обследовать замок Кастеляна...

Эб почти уже настиг пса. Он отчетливо различал его перед собой и даже вытянул руку, чтоб ухватить дурачка за куцый хвост, но тут Нобби, издав визгливый лай, рванулся прямо в дверной проем центрального строения. Эб помчался следом, ругаясь и выуживая из кармана кресало. Грязный снег под ногами сменился каменным полом.

Впереди раздался цокот собачьих коготков о

ступени – Нобби достиг лестницы. Эб вытянул руку, нащупал холодные перила и стал подниматься.

На площадке второго этажа ему пришлось остановиться, чтобы зажечь факел. Вспыхнули просмоленные тряпки, и Эб мельком разглядел кончик хвоста, мелькнувший за перилами – Нобби бежал дальше, вверх.

Длинными прыжками Эб взлетел по следующей лестнице и очутился в большой комнате. Через пролом окна задувал ветер. Пес стоял на подоконнике, выглядывая наружу.

– Стой! – вскрикнул Эб. – Осторожно, упадешь!!!

Нобби повернул к нему приплюснутую мордочку с вытаращенными черными глазками и презрительно фыркнул.

У Эба было живое воображение – он представил, как Нобби вываливается из окна... а затем перед его мысленным взором развернулась вот такая картина: похороны на городском кладбище, медленно падают крупные снежинки, хмурое небо в облаках, черные, безлистые деревья. Рыдающая госпожа Шлап идет, поддерживаемая супругом. Гроб с хладным телом Нобби несут безутешный бульдог, пять унылых

хозяйских кошек и пригорюнившиеся морские свинки. Позади шествует толпа хомячков с венками. Траурные речи, большая каменная статуя облаченного в длинный камзол Нобби, стоящего на задних лапах, с орденами на груди... Вдруг толпа разом оборачивается – все взгляды устремлены на одинокую фигуру Эбвина, и прекрасная в своем горе госпожа Шлап указывает на него дрожащим пальцем: «Это он, он убийца маленьких собачек!»

Эб моргнул, видение исчезло. Он стоял посреди комнаты на четвертом этаже полуразрушенного замка и смотрел на Нобби. Издав короткий визгливый лай, пес спрыгнул с подоконника.

Но не внутрь, а наружу.

Перегнувшись через подоконник, Эбвин увидел, что вдоль стены тянется широкий карниз, даже не карниз, а каменная полка. Он глянул влево, вправо – и заприметил Нобби, деловито обнюхивающего сбитый из досок мосток. Один его конец опирался на карниз, а второй исчезал во тьме.

Впереди высилась Безвыходная башня, мосток соединял два здания. Наверное, снизу, с земли

даже днем его почти невозможно разглядеть.

– Нобби, ты же не пойдешь туда? – с надеждой спросил Эбвин, перебираясь через подоконник.

Оказалось, что пес имеет собственное мнение по этому вопросу. Он задумчиво обнюхал доски, для пробы поставил на них сначала одну лапу, потом вторую.

Прижавшись спиной к стене, Эбвин сделал осторожный шаг по карнизу. На несколько мгновений стих ветер, внизу Эб разглядел черные руины, но тут же снег пошел сильнее, пелена стремительно несущихся снежинок скрыла землю.

– Нобби! – повторил Эб. – Не делай этого...
пес!

Пес покосился на него, фыркнул и пошел дальше.

– Я тебя придушу, так и знай! – в сердцах посулил ему Эбвин. Он сделал несколько коротких шагов и очутился возле мостка, тянувшегося наискось вверх. Теперь Эб сквозь снег сумел разглядеть, что дальний конец мостка исчезает в проломе стены Безвыходной башни. Нобби не спеша, вразвалочку, семеня вперед, издевательски помахивая хвостом.

– Нобби, я не пойду туда за тобой! – пригрозил Эбвин и шагнул на доски. Они скрипнули, прогнулись, но выдержали.

Огонь факела гудел, то ярко вспыхивая, то почти угасая от ветра. Полы пальто развевались, мешая Эбу идти, колючие снежинки секли лицо. Закусив губу, он сделал несколько осторожных шагов, стараясь не глядеть ни вниз, ни вверх – только перед собой, на дергающийся из стороны в сторону собачий хвост. Когда Эбвин достиг середины мостка, пес успел скрыться в проломе – в мрачной черной яме, которую наполняла непроглядная тьма. Факельный свет проник туда, и Эб обнаружил внутри страшной Безвыходной башни то же самое, что и в здании, из которого пришел. Рухлядь, оставшаяся от старинной мебели, каменные стены, лестница...

Вверх по ней бежал Нобби.

Размахивая факелом, Эб помчался следом и единым духом взлетел под крышу башни.

Оказалось, что весь этаж занимает один большой зал с высоким потолком. Света факела не хватало, чтоб озарить помещение, Эб сумел разглядеть лишь каменную кладку стены, возле которой стоял.

Ветер из пролома на нижнем этаже не задувал

сюда, было тепло. Затхлый воздух казался очень сухим. Эб чихнул и замер, прислушиваясь. Догонялки закончились, Нобби решил поиграть в прятки. Глухая, мертвая тишина, даже свиста ветра не слышно сквозь толстые каменные стены...

– Нобби! – прошептал Эб.

Ни звука в ответ. Пес затаился где-то в чернильном мраке, неестественно густом и вязком. Мрак впитывал, поглощал свет, не позволяя ему распространиться по залу. Хотя Эбвин и без света хорошо представлял себе, что находится вокруг: рухлядь, мусор и паутина.

Он выпучил глаза, вглядываясь во тьму. Сделал осторожный шаг, замер, опять прислушался. Повторил срывающимся шепотом: «Нобби!» – и поднял ногу, чтобы шагнуть дальше. Слева, совсем близко, прозвучало рычание. Споткнувшись, Эбвин потерял равновесие, вскрикнул и упал.

Он ударился лбом, перед глазами заплясал хоровод разноцветных звездочек. Факел вылетел из руки, что-то со звоном опрокинулось. Рычание повторилось, теперь оно было испуганным и злобным. Эбвин пополз вперед и наткнулся на факел, лежащий возле упавшего подсвечника с десятком свечей.

Рычание смолкло, раздался скребущий звук, потом фыркание. Эб схватил почти потухший при падении факел, одну за другой зажег свечи. Взял подсвечник и, встав на колени, высоко поднял его над головой.

Мрак сопротивлялся, не позволяя свету впервые за многие годы озарить зал. Но свечи были из хорошего воска, поэтому темнота втянулась под ковры на полу и пышные гобелены на стенах, чернильными кляксами затаилась по углам и в изгибах мраморных статуй, спряталась за большими фарфоровыми вазами...

Ковры, гобелены, статуи, вазы?..

Эбвин задохнулся от удивления. Весь зал сиял, перемигиваясь огоньками, ослепившими его.

Под стеной был широкий, вышитый золотыми нитями диван. Лицом вверх на нем лежал старик с курчавой седой бородкой, в халате, с колпаком на голове. На груди его стоял Нобби и, скалясь, рычал в лицо старика.

Глава третья.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДУШИ

Эб пригляделся к незнакомцу. Непонятно, жив тот или мертв. Глаза открыты и смотрят в одну точку на потолке, грудь не вздымается при дыхании... но на лице, покрытом крупными яркими веснушками, нет смертельной бледности, щеки розовые. Эб перевел взгляд на массивный стол в центре зала. Там широкими красными линиями был нарисован пятиугольник. Сам Эбвин никогда с таким не сталкивался, но слышал, что это называется пентаграммой.

В центре пентаграммы стоял круглый аквариум.

Хотя поначалу Эб решил, что это магическая сфера. Конечно, никаких магических сфер он тоже никогда не видывал, однако слышал, что они существуют, а где еще ожидаешь увидеть их? Натурально, в жилище мага. Потому Эбвин и решил в первый момент, что это сфера, но когда пригляделся, понял – нет, обычный круглый аквариум на подставке.

Аквариум-то обычный, почти такой же, как и тот, что стоял в гостиной дома Шлапов, но содержимое его оказалось довольно странным. Никаких рыбок, никаких ракушек. Сквозь

грязное стекло виднелось песчаное дно. В центре расположился маленький домик. Извивающиеся водоросли заменяли траву. По наклонной красной крыше ползла большая улитка. И все это окружали парящие в воде бледно-зеленые пылинки. Казалось, что на дне аквариума притаился потайной игрушечный мирок.

Его накрывала деревянная крышка, от нее наискось вверх тянулась тонкая черная нить. Очень черная – будто тончайшая полоска мрака. Эб проследил за ней взглядом и обнаружил, что нить почти достигает стены, но все же не доходит до нее, а просто исчезает в воздухе.

Когда свет свечей проник в аквариум, по воде пробежала рябь, пылинки взвихрились, окутав красный домик волнующимся облаком. Только теперь Эб заметил висящий на крышке большой золотой замок. Из его скважины торчал сломанный ржавый гвоздь. Покосившись в сторону Нобби, все еще рычавшего на седобородого старика, Эбвин шагнул к столу.

Вблизи стало видно, что замок не из золота. Его поверхность была необычного ярко-оранжевого цвета. Эб всегда легко управлялся со всякими запорами, засовами и замками, но этот был массивным, крепким с виду. Подергав гвоздь, Эбвин решил, что механизм, скорее всего, заклинило. Тогда он с любопытством приник к

аквариуму, чтобы получше разглядеть домик сквозь зеленый туман, затем выпрямился, обеими руками ухватил замок и дернул.

Раздался щелчок, золотистое свечение разошлось по воздуху. Эб отскочил с замком в руке – тот раскрылся.

Из окошек красного домика полился свет. Он мгновенно стал очень ярким, в аквариуме будто костер разгорелся. Стекланный шар загудел, наливаясь сиянием, крышка шевельнулась, движение передалось по черной нити. Она дрогнула... и не издала ни звука.

Нет, звук все же был, но слишком высокий, чтоб его могло слышать человеческое ухо. Он волной разошелся вокруг, весь замок Кастеляна содрогнулся, тихо скрипнули камни кладки. Неслышный звон черной нити вырвался наружу и, прокатившись по заснеженным холмам и темным долинам, смолкнул в отдалении.

Стенка аквариума лопнула, луч оранжевого света протянулся к софе. Эб моргнул, увидев в этом луче неестественно вытянутую, извивающуюся человеческую фигуру. Огни всех свечей, разом ярко вспыхнув, почти погасли.

Нобби, поставив передние лапы на лоб старика, как раз вцепился зубами в венчавший

седую голову колпак, с рычанием потянул его на себя. Раздался хлопок, аквариум подскочил над столом, и оранжевый луч исчез.

Все смолкло. В грозной тишине Эбу показалось, что где-то очень-очень далеко и высоко, за холмами и долинами, на самой границе того огромного расстояния, которое сумел преодолеть звон черной нити, раздался призрачный голос, произнесший одно слово:

– НЕУЖЕЛИ?

Свечи опять разгорелись, в зале стало светлее. Аквариум исчез, в пентаграмме на столе остались только осколки стекла да лужа воды. Синезеленые растения, красный домик с улиткой – все, что раньше находилось на дне, исчезло.

Сверху раздался треск, на пол посыпалась пыль.

– Кха! – произнес чей-то голос. – И где это я?

Эб повернулся к софе.

Нобби стоял на задних лапах на груди старика, а правой передней с силой хлопал себя по мохнатому лбу.

– Неужто вернулся, а?

Эб раскрыл рот, закрыл, потом опять раскрыл, но так ничего и не сказал.

Нобби неловко повернулся, его нос очутился у самого носа старика.

– А-А-А-А-А! – заорал он страшным голосом, подскочил и сверзился с софы на пол. – Это же я! Я!!!

– Что такое? – пробормотал Эб непослушным языком. – Ты... вы кто?

– Кто? Кто я?! – Нобби оскалился, залаял, но тут же ошарашенно смолк, зажав передними лапами пасть. Вновь поднявшись на задние лапы, он хрипло прокашлялся, постучал себя по груди, успокаиваясь, изогнулся, ненароком увидел свалывшуюся шерсть на конце своего хвоста и вновь заорал.

– Это мое? Хвост?!! – Пес крутанулся волчком, упал, но сразу же вскочил. Положив передние лапы на край софы, вытянувшись на цыпочках – если, конечно, так можно сказать о собаке, – он заглянул в веснушчатое лицо старика и после паузы произнес с тоской:

– Так... понял.

После этого пес уселся на край софы, заложил

ногу за ногу, вернее, лапу за лапу, и тяжело задумался, позабыв про Эба.

Эбвин стоял, не зная, что ему теперь делать. Попадать в настолько нелепую ситуацию ему еще не доводилось. Поначалу он, конечно, испугался, но потом стал злиться. Нобби разговаривающий показался ему еще более противным, чем Нобби лающий и скулящий. Да и голос у собаки был неприятным, визгливым.

Треск вверху продолжался, теперь вместе с пылью на пол сыпалась древесная труха. Казалось, звук черной нити, проникнув в кладку стен и крышу, расшатал камни, заодно повредив сложную конструкцию стропил, поддерживающих купол башни.

– Так, малый, а ты кто такой? – произнес пес, наконец обратив внимание на Эбвина. – Что здесь делаешь?

– Я... – начал Эб. Уши Нобби вдруг стали торчком, он рухнул с софы на все четыре лапы и, вытянув шею, рявкнул.

– Это что еще такое? Слышишь? Ты слышишь?!

*

Далеко-далеко от них Бардо Тодол проснулся.

Его спальня размерами напоминала зал приемов какого-нибудь королевского дворца. То, на чем Тодол спал, нельзя было назвать кроватью в обычном смысле этого слова – таких кроватей просто не бывает, даже у королей. Скорее, годится слово «ложе». Да, ложе, просторное, как палуба большого корабля.

Помещение озарял нежный золотистый свет. Странное дело – здесь отсутствовали стулья и кресла, зато вдоль дальней стены тянулись гранитные постаменты разной величины. На каждом высилась навечно застывшая фигура какого-нибудь животного. «Зверушки, – вот как называл их Тодол. – Мои зверушки».

Их было множество, и все разные. Собака, кошка, волк, опоссум, горный козел, ондатра, хомяк... все, кого Бардо Тодолу удалось собрать для своей галереи. Ряд начинался с маленькой мышки, а заканчивался существом таких размеров, которое могло поместиться только в этой огромной спальне.

Зверушки застыли в неподвижности. Не статуи, вырубленные в камне или дереве. И даже не чучела.

Бардо Тодол собирал скелеты.

Он поднялся, моргая спросонья, и понял, что именно разбудило его. У изголовья ложа стоял сундук. Небольшой и такой мрачный с виду, что напоминал могильный камень из черного гранита.

В тишине размеренно тикали настенные часы. Тодол уставился на сундук.

Крышку запирает большой магриловый замок, а на шее Тодола висела магриловая цепочка с магриловым ключом.

Из сундука донесся звук, будто кто-то задел туго натянутую леску. Именно этот звук разбудил Бардо минуту назад. Тодол ждал. Звук повторился – тогда маг снял с шеи ключ и отпер замок.

Посередине сундука висела книга в черной кожаной обложке, прикованная ко дну парой толстых цепей. Вместо названия на ней красовался большой глаз.

Не нарисованный и не тисненый – просто выпуклый живой глаз. Узкий, с сероватым белком и черным зрачком, напоминающим бездонный колодец, ведущий в другой мир. В мир безымянной книги с черной обложкой.

Когда крышка раскрылась, цепи звякнули, и

книга качнулась от движения воздуха. Лишь прищурившись, Тодол смог разглядеть тонкую черную нить, что тянулась от книги наискось вниз и исчезала, растворялась в воздухе. Пока Бардо смотрел на нее, нить дрогнула, и в спальне прозвучал все тот же звук.

– *Неужели?* – громко произнес Бардо Тодол, наклоняясь над сундуком.

Казалось, что глаз разумен и тоже смотрит на Тодола. Причем смотрит с определенным и очень сильным чувством.

Этим чувством была ненависть.

Бардо чуть улыбнулся и заглянул в выпуклый черный зрачок.

Внутри он увидел двор замка и Безвыходную башню посреди него. В башне что-то происходило, но Тодол пока не мог понять, что именно. Зато он понял главное: старый враг проснулся и потревожил черную нить.

А нить вдруг порвалась. Только что она висела, туго натянутая, в воздухе, а теперь с пронзительным «ДЗЕННН!!!» исчезла.

Это могло означать лишь одно: Кастелян на свободе.

Взгляд Бардо медленно прошелся вдоль галереи, достиг самого конца, задержавшись на мыши, двинулся назад и в конце концов остановился на одном из скелетов. Скелеты не были нужны Тодолу для того, что он собирался сделать. Они просто помогали магу выбрать подходящую зверушку из тех, что могла предоставить ему черная книга.

– Ты, – сказал Бардо Тодол и вновь склонился над сундуком. – Ты подойдешь лучше всего.